

Праславянский перфект типа *pisal esť* имел аналитический характер. В южнославянских и в лужицких языках до сих пор сохранился ряд формальных признаков, свидетельствующих о самостоятельности связочного глагола: а) его положение в предложении, например сербскохорват. *jeste-li чули?*; б) постановка отрицательной частицы при связочном глаголе, например болг. *не съм чел*; в) возможность повторения в ответе на вопрос лишь глагола-связки, например болг. *Не си ли ги виждал?* *Не съм*. На славянском севере (кроме лужицких языков) перфект утратил свой аналитический характер, подвергся синтетизации, что проявилось в утрате отмеченных выше формальных признаков. Обе части бывшего перфекта утратили свою самостоятельность, связочный глагол превратился в морфему, обозначающую грамматическое лицо, подобно обычной глагольной флексии. Синтетизация перфекта на славянском севере (наряду с такими факторами, как совпадение форм 2-го и 3-го лица у старых простых прошедших времен и развитие глагольного вида) явилась одним из важнейших импульсов к исчезновению аориста и имперфекта. О влиянии синтетизации перфекта на падение этих времен свидетельствует тот факт, что именно в тех языках, где перфект стал синтетической формой, исчезли аорист и имперфект. С другой стороны, во всех языках, где аорист и имперфект сохранились, сохранился и аналитический характер перфекта¹.

Объяснение Ф. Копечного нам кажется весьма спорным. Автор сам отмечает, что в словенском языке, а также в чакавских и кайкавских диалектах сербскохорватского языка аналитический характер перфекта сохранился, тогда как аорист и имперфект там утратились². К этому следовало бы добавить, что при наличии аналитического перфекта мы наблюдаем процесс отмирания простых прошедших времен в лужицких языках и их исчезновение в банатском говоре болгарского языка³.

¹ Ф. К о р е њ њ, *Přišedší...*, стр. 151—154.

² Там же, стр. 153.

³ Ф. Копечный объясняет аналитический характер перфекта в словенском языке

Трудно согласиться с самой констатацией причинной связи между синтетизацией перфекта и падением простых прошедших времен. По мнению Ф. Копечного, с возникновением новой синтетической формы прошедшего времени утрачивали смысл старые синтетические формы — аорист и имперфект⁴. Но разве в принципе в языке не могли бы сосуществовать три синтетические формы прошедшего времени, если бы каждая из них сохраняла свое специфическое значение? Очевидно, именно определенные изменения в значениях форм прошедшего времени и во взаимоотношениях этих значений могли оказать существенное влияние на исчезновение имперфекта и аориста в ряде славянских языков. Конечно, синтетизация перфекта не может рассматриваться в отрыве от изменения его значения. Но между этими явлениями, безусловно, нет механического параллелизма: исконое значение перфекта так или иначе изменилось в тех языках, которые сохранили перечисленные Ф. Копечным признаки самостоятельности связочного глагола, и, наоборот, следы старого перфектного значения обнаруживаются в языках, имеющих синтетические формы на -л.

IV Международный съезд славистов остро поставил ряд важных проблем глагольного времени и в некоторых пунктах продвинул вперед их решение. Вместе с тем еще резко обозначились нерешенные вопросы. Нам представляется, что, помимо дальнейшей разработки обсуждавшихся на съезде проблем, настоятельно необходимым является сравнительно-сопоставительное исследование славянских времен в их отношении к виду (особенно много нового общает дать интересная, но еще мало изученная область неактуального употребления временных форм).

А. В. Бондарко
ке поддержкой аналогично образованного будущего времени: *sem pisal = bom pisal* (Ф. К о р е њ њ, *Problém českého...*, стр. 295). Это весьма гипотетическое объяснение, естественно, не может быть распространено на приведенные выше факты других славянских языков и диалектов.

⁴ См. Ф. К о р е њ њ, *Základy české...*, стр. 94—95.

ЗАМЕТКИ О РУМЫНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Нет сомнения, что личное общение с деятелями науки, возможность непосредственного ознакомления с их работой и даже некоторого участия в ней очень способствуют укреплению и развитию связей делового характера между учеными Советского Союза и зарубежными стран, в первую очередь стран народной демократии. Поездка в Румынию в порядке реализации плана научного обмена между академиями наук Советского Союза и Румынской Народной Республики позволила автору этих строк провести личное ознакомление с работой филологических институтов Румынской академии, принять участие в научных заседаниях, выступить

с докладами, посетить основные библиотеки и хранилища рукописных фондов, а также установить личные контакты с рядом румынских филологов.

Прочные гуманитарные традиции, труды многих выдающихся румынских ученых-исследователей в области романской, славянской и общей филологии определили то значительное место, которое занимают лингвистика и литературоведение в Академии наук РНР и в румынских университетах. Четыре филологических института входят в состав АН РНР: Институт лингвистики и Институт литературы и фольклора в Бухаресте, Институт лингвистики в Клуже (в Клужском филиале АН есть

отдел литературы) и Институт истории и лингвистики в Яссах. По своему профилю, объему научной тематики, количеству сотрудников, оборудованию они отличаются один от другого. В работе лингвистических институтов при известном параллелизме можно легко увидеть отчетливую специализацию каждого. Так, Бухарестский институт лингвистики характеризуют изыскания следующих его отделов: 1) Отдела романистики, среди работ которого надо особо отметить исследования в области языка румынских сефардов, сохранивших испанский язык со времени своего изгнания из Испании в XV в. (отделом произведена магнитофонная запись живой речи, а также пословиц; поддерживается живое и постоянное общение с отдельными носителями языка сефардов, подготавливается его монографическое описание); 2) Отдела экспериментальной фонетики и диалектологии — в нем имеется хорошо оборудованная экспериментальная лаборатория, в которой ведется работа над усовершенствованием приемов и способов записи фонетических текстов; этот отдел интенсивно готовится к осуществлению трудоемкого коллективного труда — региональных атласов румынских говоров (румыны предпочитают пользоваться термином «говор», а не «диалект» в силу очень большой близости этих говоров между собой); 3) Отдела современного румынского языка, где большой научный коллектив занят вопросами грамматики румынского языка, словообразования, лексикологии и лексикографии; заметное место занимают и проблемы литературного языка. Для более четкой организации работы здесь созданы особые группы, во главе которых стоят авторитетные руководители (так, группу словообразования возглавил акад. А. Граур). Опыт организации группы оправдал себя: вышел в свет «Обратный словарь»¹ и готовится коллективный «Трактат по словообразованию».

Клужский институт лингвистики, преемственно связанный с Музеем румынского языка, может по праву считаться центром румынской славистики. Наличие в ряде работ ученых Клужа исследований румыно-славянских языковых связей, участие румынских лингвистов и литературоведов в IV Международном съезде славистов в Москве и три тома статей, подготовленных к этому съезду², говорят об успехах славистики в Румынии. В Клуже продолжается подготовка к изданию новых выпусков «Румынского лингвистического атласа»³; архив диалектологических материалов постоянно пополняется новыми, поступающими от участников экспедиций. Наряду с изучением славистики и румын-

ской диалектологии (акад. Е. Петрович, И. Пэтруц) в Клужском институте лингвистики немало внимания уделено изучению венгерского языка и его говоров на территории РНР (Б. Келемен). Клужские унтристы подготавливают региональные атласы венгерских говоров в пределах РНР. Институт планирует возобновление печатания последующих выпусков «Словаря румынского языка» Румынской Академии с таким расчетом, чтобы по завершении всего издания заново издать ранее опубликованные, но ныне явно устаревшие тома.

Немало внимания уделяется вопросам грамматики и литературного языка и в Ясском институте истории и лингвистики, но коллектив ясских ученых малочисленнее и не может включить в свой план больших по объему и затрате сил лингвистических исследований.

Встречи и беседы с ведущими деятелями румынского языкознания (академиками И. Иордан, А. Граур, Е. Петрович, А. Росетти, профессорами Б. Казаку, Д. Макрия, И. Пэтруц, Г. Истрате, а также с Д. Копчаг, М. Сала, Г. Болокан, Г. Михайлэ, В. Рудяну) способствовали более близкому ознакомлению с академическими институтами и уяснению некоторых общих задач академий наук СССР и РНР в области языкознания. Немало пользы принесло также общение с историками (проф. Д. Богдан, В. Попович, Д. Чурия, Г. Унгуряну), археологами, литературоведами (М. Новиков, О. Пападима, Н. И. Попа, А. Дима, И. Конст. Кицимия), библиотечными работниками в Бухаресте, Клуже, Яссах, Сибну.

Не менее существенными для ориентации были заседания институтов и отдельных секторов, в которых удалось мне участвовать. С большим интересом был всеми прослушан доклад проф. А. Блинкенберга (Дания) о переходности французского глагола; с повседневной работой института в Бухаресте можно было познакомиться и на очередном заседании Отдела экспериментальной фонетики и диалектологии под председательством акад. А. Росетти, и на общепитетутском заседании, посвященном итогам IV съезда славистов, с докладами А. Росетти и Г. Михайлэ. По приглашению Академии наук РНР мне пришлось выступить на научной сессии, посвященной 150-летию со дня рождения К. Негруцци, которая проходила в Ясском филиале Академии наук; свое выступление я посвятил русско-румынским литературным связям и роли К. Негруцци в их укреплении.

В Румынии очень хорошо известны научные труды акад. В. Ф. Шишмарева, поэтому темой доклада в Бухарестском университете для сотрудников Ин-та лингвистики и филологии, фак-та университета я избрал «Научная деятельность В. Ф. Шишмарева как филолога-романиста». Особенно подробно в докладе были охарактеризованы труды покойного академика, которые остались неопубликованными: «Романские поселения на территории СССР», «История итальян-

¹ «Dicționar invers», București, 1957. См. рецензию И. А. Мельчука (ВЯ, 1958, № 6, стр. 116).

² См. «Romanoslavica», București, 1958 (I—292 стр., II—288 стр., III—356 стр.).

³ «Atlasul lingvistic român», Serie nouă.

ского языка» и др. Среди слушателей было много студентов университета и Института им. Горького, готовящего преподавателей русского языка. С некоторыми дополнениями доклад был повторен в г. Клузе для сотрудников Института лингвистики.

Попутно хочется отметить хорошее знание русского языка у большинства румынских филологов, особенно занимающихся румынским и славянским языкознанием. Вообще румынская общеобразовательная школа дает хорошую практическую подготовку по языкам: оканчивающие среднюю школу свободно владеют двумя-тремя европейскими языками, не говоря уже о представителях старшего поколения румынских ученых, многие из которых совершенствовали свою научную подготовку в университетах Франции, Германии, Италии и подолгу занимались у выдающихся специалистов своего времени. Что же касается русского языка, то круг лиц, знающих его, сильно расширился в социалистической Румынии, о чем говорят книжные магазины со специальными отделами русской советской книги, большое количество русских книг и журналов, используемых читателями библиотек. Почти повсюду можно встретить не только людей, способных объяснить что-либо по-русски, но и свободно владеющих русским языком. Так, в маленьком городке Сигишоаре в Отделе народного образования один из сотрудников сразу перешел на русский язык, узнав, что его собеседник из СССР, а в Центральной библиотеке города Сибиу (ранее библиотека об-ва «Астра») одна из сотрудниц библиотеки, специалиста по рукописным и первопечатным книгам, оказалась прекрасным знатоком русской литературы и познакомила нас с первыми переводами М. Горького (1906 г.), сделанными быв. библиотекарем об-ва «Астра» Х. П. Петреску. Переводчик в предисловии сознательно подчеркнул отличительное свойство русской литературы как высокоидейной, которой чужды теории «чистого искусства».

Можно лишь порадоваться и успехам изучения русского языка студентами Педагогического института им. А. М. Горького. Живой рассказ о перспективах и планах работы декана факультета этого института тов. Маринеску, посещение юбилейной выставки, ознакомление с работой Кабинета русского языка отчетливо показали несомненные достижения института в таком важном деле, как подготовка преподавателей-русистов для румынской школы. В институте очень хорошо помнят и ценят ту большую помощь, которую оказали и продолжают оказывать советские специалисты по русскому языку и литературе.

Недостаток времени не позволил мне должным образом войти в повседневную среду румынской высшей школы. Однако все же мне удалось присутствовать на лекции по истории румынского литературного языка проф. Б. Казаку, встретиться для беседы с ним как с деканом филологиче-

ского факультета Бухарестского университета, ознакомиться с организацией на кафедрах научной работы, с оборудованием кабинетов, изданиями учебников и учебных пособий для студентов (некоторые из них, как, например, теоретическая «Грамматика румынского языка» и «Введение в романскую лингвистику» акад. И. Иордана, «Введение в языкознание» коллектива под руководством акад. А. Граура¹, хорошо известны советским лингвистам). В Клузском и в Ясском университетах удалось довольно тщательно познакомиться с библиотечкой и рукописным отделом; в Ясском университете, кроме того, состоялись встречи с ректором проф. И. Крянга, профессорами Г. Истрате, А. Дима, Н. И. Попа, Д. Чуря, Ш. Кучуриу. С последним, романистом по специальности, занимавшимся итальянскими диалектами, беседа была особенно существенна, поскольку был затронут вопрос о совместной работе по раннероманским памятникам.

Возвращаясь к академическим институтам РНР, хочется отметить сплоченную и рабочую обстановку в различных секторах, основательную и всестороннюю подготовку материалов по читаемым докладам, что сильно экономит рабочее время при их обсуждении, оперативность в коллективных трудах и простоту отношений внутри коллектива. Естественно, что далеко не все можно было охватить и осмыслить в работе институтов, но участие в заседаниях, свои доклады (в Бухарестском институте лингвистики мною был сделан еще доклад о трудах советских языковедов по романистике), обсуждение принципов составления Большого румынско-русского словаря на совещаниях под председательством зам. директора Бухарестского института И. Котяну — невольно приобщили меня в какой-то мере к работе научных учреждений РНР.

За время своего пребывания в Румынии я занимался в библиотеках и рукописных собраниях Бухареста (академической и Института лингвистики), Клузы (университетской, филиала АН РНР, Института языкознания), Ясе (университетской и гос. архива), Сибиу (Центральной, быв. об-ва «Астра»). Понятно, что моей задачей было не только ознакомление с постановкой дела, но и просмотр систематических и алфавитных каталогов, инвентарных книг, описаний рукописей, а также знакомство *de visu* с редкими рукописями и книгами. Сложилось впечатление, что комплектование до 40-х годов носило более систематический характер (особенно в библиотеках академического подчинения), в последующие же годы наблюдается известное сокращение поступления книг зарубежного происхождения. Хранение книг и рукописей, оборудование читальных зал и обслуживание читателя можно

¹ См.: I. Iordăni, *Limba română contemporană* [București], 1956; e g o ж е, *Introducere în lingvistica romanică*, București, 1957; A. I. Graur, *Introducere în lingvistica*, București, 1958.

считать очень хорошим, особенно в Центральной академической библиотеке, вклученских библиотеках Института лингвистики и университета, ясских—университета и гос. архива. В библиотеках Румынии, как и повсюду, рабочий день начинается в 8 часов утра, заканчивается в 22 часа.

Часы, проведенные за рабочим столом над книгами по истории румынского языка, по латинской и славянской палеографии (многие из них отсутствуют в библиотеках Москвы и Ленинграда), над собраниями грамот, публикациями надписей и, наконец, рукописями, были значительны, содержательны и полезны. Рукописные собрания в Бухаресте, Клуже и Яссах создают внушительную картину исключительного по своему богатству фонда рукописей и документов. Славянские, румынские и греческие манускрипты VIII—XIX вв. заслуживают внимания со стороны советских специалистов; таковы, например, греческое евангелие VIII в., принадлежавшее Марии Багрянородной (Ясский ун-т), славянские евангелия и апостолы на пергамене и бумаге XV—XVI вв. (Клуж, Бухарест, Яссы), Минея 1489, точно датированная и имеющая запись писца: *рѣкож мѡѡргѣѡна раба бѣѡа діака Федка*¹, сочинение Г. Сковороды «Разговоры о самопознании»² и мн. др. Заметим кстати, что библиотекой Клужского филиала АН РНР (директор библиотеки Ласку Бал) нам уже присланы микрофильмы македонорумынской грамматики Бояджи, итало-славянской грамматики XVIII в. и фрагментов из евангелия XVI в., а Ясским гос. архивом (директор проф. Г. Унгуряну) было обещано микрофильмирование Минеи 1489 г. и русской грамматики второй половины XVIII в.

Не надо забывать, что в РНР, помимо государственных рукописных фондов, имеются и некоторые собрания старинных рукописных книг и документов, оставшихся в ведении отдельных монастырей, в связи с чем нами было получено приглашение в текущем году принять участие в ознакомлении с монастырскими архивами сев. Молдовы (Путна, Нямц, Сучевица, Драгомирна). Это представляло бы немалый интерес для русиста и романиста, занимающегося восточнороманскими языками.

Общение с румынскими учеными, ознакомление с их планами и работами позволяет высказать, в виде пожелания, несколько предложений: а) учитывая опыт румынских лингвистов по коллективной разработке вопросов румынского словообразования, наметить план совместной работы с учеными стран народной демократии по сравнительному изучению словообразования в романских языках; б) для усиления теоретической проблематики в работах по общему языкознанию поддер-

жать идею румынских лингвистов о созыве совещания по вопросам, наиболее спорным и требующим безотлагательного уточнения, с представительством языковедов от всех стран народной демократии; в) установить постоянный обмен филологами в большем, чем ранее, объеме и принять приглашение обследовать русский говор липован-некрасовцев в Добрудже, уделив внимание диалектологической работе румынских лингвистов.

Под конец хочется поделиться наблюдениями в области книжного дела в РНР. Кое-что было сказано по этому поводу раньше, но все же надо указать на то большое внимание, которое проявляет руководство Академии наук к своему издательству. Во главе его стоит известный ученый акад. А. Граур, который является директором. Готовые к изданию труды проходят минимум посредствующих звеньев от стола ученого до печатного станка. Хотя у Академии наук нет своей типографии, тем не менее в короткий срок были выпущены три тома «Romanoslavica» (см. выше) и сборник статей в честь акад. И. Иордана к его 70-летию. В этом сборнике приняло участие 128 авторов, из них десять советских лингвистов: И. А. Аристарх, С. Б. Бернштейн, В. И. Борковский, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Н. Г. Корзятяну, В. А. Лисинский, Д. Е. Михальчи, Р. Г. Пиотровский, В. Ф. Шинмарев³.

Нельзя не подчеркнуть и то, что наряду с двухмесячным журналом «Limba română» и выходящим поквартально изданием «Studii și cercetări lingvistice» выходит повремено: «Revue de linguistique» (под ред. И. Иордана), «Studii de gramatică și dialectologie» (под ред. А. Росетти), «Contribuții la istoria limbii române literare în secolul al XIX-lea» (под ред. акад. Т. Вьяну), журн. «Revista de filologie romanică și germanică», а также «Журнал языкознания» на русском языке. К этому надо добавить труды Клужского и Ясского филиалов АН РНР и ученые записки румынских университетов⁴.

Хорошее впечатление производят серийные издания вроде «Материалов и исследований по лингвистике», куда вошли книги «Румынский язык XIII—XVI вв.» А. Росетти, которые являются дополненным и расширенным изданием VI т. «История румынского языка» того же автора, «Фонетика гугульского говора Валя Сучевей (долины Сучавы)» И. Пэтруца, «Славянские синтаксические элементы в румынском языке» Е. Зайделя, «Написание сложных слов» Ф. Чобану и «Устойчивые глагольные сочетания в румынском языке» Флорики Димитреску⁵.

³ «Omăgiu lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani», [București], 1958.

¹ См. С. Turcu, Un manuscris slavon necunoscut din timpul lui Ștefan cel Mare, «Hrisovul», VI, 1946.

² См. П. М. Попов, Из истории румыно-украинских связей, «Бюллетень АН СССР», № 9, 1956.

⁴ «Cercetări de lingvistică». Filiala Cluj; «Studii și cercetări științifice». Filiala Iași; «Analele științifice ale Universității «Al. I. Cuza» din Iași» и др.

⁵ «Materiale și cercetări lingvistice»: Al. Rosetti, Limba română în secolele al

Оперативно идет публикация сборников, посвященных состоявшимся международным съездам: конгрессу лингвистов в Осло, VI ономастическому съезду в Мюнхене¹,

XIII-lea — al XVI-lea, București, 1956; I. Pătruț, *Fonetica graiului huțul din Valea Sucevei*, București, 1957. E. Seidel, *Elemente sintactice slave în limba română*, București, 1958; F. Ciobanu, *Scrierea cuvintelor compuse*, București, 1958; F. Dimitrescu, *Locuțiunile verbale în limba română*, București, 1958.

¹ См.: «*Mélanges linguistiques*», Bucarest, 1957; «*Contributions onomastiques*», Bucarest, 1958.

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРВОЙ ГРАММАТИКЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Особое место в истории чувашского языка занимает первая печатная грамматика чувашского языка, вышедшая в свет под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» без упоминания об авторе, времени и месте ее издания¹. Интересно отметить, что в 1775 г. были изданы анонимные же «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка» и «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка», которые имеют общие с первой грамматикой чувашского языка охват и план расположения материала, единую манеру транскрибирования и однотипные недостатки².

По нашему мнению, все три указанные грамматики следует приписать одному и тому же автору, а именно — Вениамину (Пудеку-Григоровичу), биография которого позволяет судить о его осведомленности в области филологии³. Окончательно утверждают нас в этом мнении неоспоримые архивные данные: имеется ордер Академии наук на то, чтобы «напечатать 600 экземпляров присланной от Казанского и Свияжского архиепископа Вениамина книжки, содержащей наставления к

IV съезду славистов в Москве. Значительное число статей принадлежит участникам этих съездов; сборники выходят в установленные сроки и в хорошем полиграфическом оформлении.

Кончая свои заметки, хочу поблагодарить всех товарищей, встреченных мною в различных научных и просветительных учреждениях РНР, так или иначе способствовавших максимальному использованию тех 22 дней, которые я провел в Румынии. Я не смог раньше выразить своей признательности румынским археологам проф. К. Дайкович и Г. Кришан, познакомившим меня с раскопками дакийских и римских древностей.

Д. Е. Михальчи

грамматике чувашского языка»⁴. Архивные материалы подтверждают предположение о том, что Вениамин был автором и двух других указанных выше грамматик⁵.

Относительно времени издания «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка» также существуют различные предположения (1769, 1770, 1775 гг.)⁶. Документальными данными подтверждается год издания 1769: в архиве АН СССР имеется удостоверение о получении грамматики чувашского языка от Вениамина и ордер на печатание ее от 12 января 1769 г. В «С.-П. Ведомостях» за 23 мая 1769 г. в отделе «Продажа» напечатано объявление, что в «Академической книжной лавке продаются повопечатанные книги, на российском языке: грамма-

⁴ См. Архив АН СССР, фонд 3, опись 1, № 540, стр. 21.

⁵ Там же, № 541, стр. 181, где имеется ордер Академии наук на то, чтобы напечатать по 300 экз. присланных от Вениамина грамматики вотского языка и грамматики черемисского языка.

⁶ Ср.: В. Г. Егоров, указ. соч., стр. 86; «Издания Московского университета 1756—1779», сост. Н. Н. Мельникова, М., 1955, стр. 120; Дамаскин (Семенов-Руднев), Библиография российской, I (рукопись), стр. 934; В. С. Соколов, Опыт российской библиографии, ч. II, СПб., 1904, стр. 76; «Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина, систематическим порядком расположенная. В четырех частях», СПб., 1828, стр. 460; С. А. Венгеров, Источники словаря русских писателей, т. I, СПб., 1900, стр. 543; «Каталог изданий Имп. Акад. наук, ч. II — Отдельные издания на русском языке, с 1726 г. по 1 июля 1915 г.», Пг., 1915, стр. 144; С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в.—1825 г.), СПб., 1904, стр. 431—432; «Каталог книг гражданской печати XVIII в.» (сост. Гос. Биб-кой СССР им. В. И. Ленина, на правах рукописи), стр. 1018.

¹ Различные предположения и суждения относительно составителя первой грамматики чувашского языка, времени и места ее издания представлены в ряде работ (см. ниже). В качестве составителя этой грамматики предполагаются следующие лица: Петр Талиев; уроженец Красночетайского района Чувашской АССР; Вениамин (Василий Пудек-Григорович). См. об этом, например: В. Г. Егоров, Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г., «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 87.

² Подробную лингвистическую характеристику «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка» см.: В. Г. Егоров, указ. соч.

³ См. об этом: «Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов Миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии», вып. V, 1874, стр. 74.